

Господин Юань распалялся всё сильнее, и затея уже казалась ему беспроегрышной.

— А ведь дело говоришь! — воскликнул он, оживлённо всплеснув руками. — Отличный план! На днях как раз выпадает срок для первого визита зятя к родителям. Тут-то мы всё и устроим!

В юго-восточных землях Страны Великого Спокойствия обычай первого визита новобрачных в родительский дом чтили свято. Деревня Речного Отдыха и соседняя Деревня Цзян не были исключением из этого негласного закона. По заведённому порядку, если шуаньэр выдавали замуж неподалёку, на десятый день после свадьбы молодой супруг был обязан привезти своего супруга обратно в отчий дом — засвидетельствовать почтение родне.

Глядя на то, как господин Юань ликует, точно Фан Чжуншань уже принёс им серебро на блюдечке, Старик Цзян поспешил умерить его пыл.

— По мне, так затея дрянь, — проворчал он, хмурия густые брови. — Ты ведь сам там был, когда Жан-эр порог их дома переступал. Видел, чтобы этот сопляк выказал нам хоть каплю уважения? Послушай моего совета: Фан Чжуншань — парень не промах, с ним шутки плохи. Смотри, как бы мы и без денег не остались, и перед соседями позору не натерпелись!

Господин Юань недовольно скривился и фыркнул:

— Да что в нём такого страшного? Я обо всём расспросил! Младший сын Фанов на всю округу ославлен: лоботряс, гуляка да бабник. Слыхал небось, отчего он едва дух не испустил? Полез без зазрения совести к приличной девице заигрывать, так её брат одним пинком отправил негодяя в реку. Тот с перепугу слег в горячке и чуть кони не двинул! Обыкновенная гнилая доска, из которой путного забора не построишь. Когда они придут, мы разыграем всё как по нотам: ты припугнёшь, я задобрю. Уж какую-никакую выгоду мы из него точно вытрясем!

Однако Старик Цзян не разделял радужных надежд своего супруга. Стоило ему на мгновение прикрыть глаза, как перед взором снова вставало лицо Фан Чжуншаня. Тот взгляд, которым парень ожёг его, закрывая собой Цзян Жана, до сих пор заставлял поёжиться. Равнодушный, пустой, но холодный и острый, словно лезвие бритвы — от него перехватывало дыхание.

Заметив колебания мужа, господин Юань решил, что старик разжалобился и пожалел родного сына. Его лицо мгновенно потемнело от злости.

— Ты мне зубы не заговаривай! — прикрикнул он. — Жан-эр вышел за Чжуншаня, так что стрясти с зятя монету на уважение родителям — законное дело! Нашему Руху пора в школу, учитель за недоимки душу вытряхивает. Если у тебя язык в одном месте застрял, я сам с ними поговорю!

При упоминании о драгоценном сыне Старик Цзян заметно притих. Руху родился, когда отец уже вовсю клонился к закату, и старик души не чаял в позднем ребёнке. Он баловал мальчишку сверх меры: лучшая еда, новая одежда, а теперь и учение — всё должно было быть

не хуже, чем у господских детей. Да только годы брали своё, спина от работы в поле ныла всё чаще, и монета в доме почти не держалась. Если бы... если бы и впрямь удалось выжать из Жан-эра хоть какую-то толику серебра на подмогу, это бы изрядно облегчило их жизнь.

Но страх перед молодым зятем никуда не делся.

— Оно, конечно, так... — нерешительно пробормотал Старик Цзян. — Да только в день свадьбы мы знатно рассорились. Думаешь, Жан-эр с мужем захотят порог нашего дома переступить?

Об этом господин Юань как-то не подумал. Он на секунду растерялся, но быстро нашёлся:

— А мы через сваху дело обстряпаем! Пусть сходит к ним да напомним. Возвращение в отчий дом — обычай священный, тут уж они не отвертятся, даже если лопнут от злости!

Сваха, о которой шла речь, носила фамилию Чжан, но в округе её звали просто матушкой Чжан. Своим ремеслом она славилась на десять ли вокруг: язык у неё был подвешен так ловко, что одной лишь болтовней она ухитрялась безбедно кормить всю свою немалую семью. Именно её нанимал Фан Ди, когда искал жениха для занемогшего племянника, чтобы прогнать хворь свадебным весельем. С тех пор матушка Чжан частенько заглядывала к господину Юаню, и они успели близко сойтись.

Вот и теперь господин Юань рассудил, что лучшего гонца для упрямого пасынка ему не найти.

Матушка Чжан прекрасно помнила тот скандал, когда разгневанный отец влепил новобрачному звонкую пощёчину прямо у порога — она сама вела процессию и видела всё от начала до конца.

Выслушав просьбу господина Юаня, сваха лишь мысленно хмыкнула.

«Ишь, стервецы, наживы захотели! Что же вы тогда парню всю морду искромсали, коли теперь с него серебро тянуть собираетесь?»

Впрочем, стоило пяти медным монетам перекочевать в её карман, как вся праведная досада улетучилась без следа. Матушка Чжан так и расплылась в приторной улыбке:

— Да полно тебе, кум! Какая между отцом и сыном может быть вражда? Обиды до утра не живут. Старик твой хоть и суров, да ведь любя наставлял! Жан-эр, конечно, парень с характером, но я уж подберу к нему ключик. Будь покоен, явится как миленький!

Дел в эти дни у свахи было немного, так что, не откладывая затею в долгий ящик, она прямоком отправилась на южную окраину деревни, где обосновались молодожёны.

Тем временем Цзян Жан, свято соблюдая наказ мужа не высовывать носа со двора, усердно хлопотал по хозяйству. Он до блеска вычистил дом, а затем принялся застряпню к полудню. Запасов риса и солонины, что они забрали из усадьбы Фанов, пока хватало. Напевая под нос, юноша суетился у очага, стараясь приготовить что-нибудь повкуснее к возвращению Чжуншаня. Ему очень хотелось, чтобы уставший после лесных брожений муж сразу же сел за горячий сытный обед.

Стоило ему разложить дымящееся, сочное мясо по глиняным плошкам, как снаружи раздался негромкий, но настойчивый стук в калитку.

Решив, что это вернулся его супруг, молодой шуаньэр так и просиял. Он торопливо отложил палочки, вытер руки о чистый передник и поспешил к воротам. Тяжёлая деревянная створка со скрипом отворилась. Прежде чем Цзян Жан успел стереть с лица приветливую улыбку, перед ним возникла грузная фигура свахи.

— Ну здравствуй, шуаньэр! — зычно пропела матушка Чжан, скаля зубы. — Узнал старуху? Я ведь та самая сваха, что тебя в этот дом провожала!

Цзян Жан конечно помнил её. Хотя разочарование укололо сердце юноши — он-то ждал совсем другого человека, — но виду он не подал. Пересилив себя, он вежливо поклонился:

— Как не помнить, тётушка. Спасибо вам за добрые слова в день нашей свадьбы, за заботу вашу. Проходите в дом.

Столь радушный приём пришёлся свахе по душе. Переступив порог, она придирчиво огляделась вокруг. Жилище хоть и не блистало роскошью, но дышало уютом и чистотой — сразу видно, что хозяин не ленится и бережёт каждый угол.

— Ишь ты, чистота-то какая! Сразу видно рачительного супруга, — вслух одобрила она, усаживаясь на предложенную скамью.

Приняв из рук юноши чашу с тёплым питьём, матушка Чжан рассыпалась в новых похвалах, не сводя с него липкого, оценивающего взгляда. Спустя пару минут пустой болтовни она решила, что пора переходить к делу. Косясь на полупустые миски, она сладко запела:

— Ох, Жан-эр, любо-дорого посмотреть, как ты устроился! Вот вернусь в деревню, непременно расскажу твоему отцу да новому отцу. Они ведь места себе не находят, так за тебя испереживались! Узнают, как ты богато живёшь — у них прямо на сердце отлегло.

Гостью без умолку твердила о его родителях, медовым голосом намекая на сыновний долг. Цзян Жан был парнем смыслёным и сразу понял, к чему клонит эта старая лиса. Радушие молодого шуаньэр как ветром сдуло. Разговаривать с ней больше не хотелось, и он принялся сухо сворачивать беседу, надеясь поскорее выставить гостью за порог.

Но матушка Чжан, уже почуявшая в кармане медь господина Юаня, уходить не собиралась. Напротив, она придвинулась ближе и заговорила с притворным сочувствием, упрямо навязывая свои нравоучения:

— Ты меня послушай, глупенький, — вкрадчиво зашептала она, тронув его за рукав. — Характер у тебя больно упрямый, весь в породу пошёл. Уступи ты отцу, склони голову — разве поднялась бы у него рука на родную кровь? Он ведь тоже не каменный. Предстоящий визит — лучший повод помириться. Соберите с Чжуншанем гостинцев побогаче да поезжайте в гости. Старики гнев на милость сменяют, и дело с концом!

Цзян Жан почувствовал, как к горлу подкатывает горькая обида. Он резко выдернул руку и холодно отрезал:

— Я туда не вернусь.

Сваха, соловейчиком распевавшая о родительской любви, осеклась на полуслове. Её рот так и остался приоткрытым, придав лицу на редкость глупое выражение.

— Как это — не вернёшься? — вытаращила она глаза, не веря собственным ушам.

Юноша молча и твёрдо кивнул. Матушка Чжан тут же сбросила приторную маску и, набоченившись, заговорила тоном строгой наставницы:

— Что за вздор ты несёшь, малец! Посещение отчего дома после свадьбы — долг перед предками! Не бывало ещё такого, чтобы шуаньэр посмел обычаем пренебречь! Совсем стыд потерял?

Цзян Жан лишь упрямо мотнул головой. Стоило ему вспомнить день своей свадьбы, родительский дом и те безжалостные, обжигающие пощёчины, что отец отвесил ему на глазах у толпы, как остатки детской надежды на родительское тепло окончательно превращались в ледяной пепел. Идти к ним на поклон? Зачем? Чтобы снова терпеть попреки и унижения? С него хватит.

Юноша слишком хорошо знал своего отца и его нового супруга. Эти двое и пальцем бы не пошевелили ради него, не сули это прямой выгоды. То, что они подослали сваху зазывать их в гости, не имело никакого отношения к родственным чувствам. Алчная чета просто спала и видела, как бы поживиться добром, которое Чжуншань вытребовал у своей семьи при разделе имущества.

Матушка Чжан привыкла иметь дело с пугливыми да покладистыми шуаньэр, которыми вертели как хотели. Но этот малец оказался на редкость твердолобым. Излив ещё ушат пустых уговоров и поняв, что юноша её вовсе не слушает, сваха разозлилась. Медные монеты жгли карман, требуя расплаты, и матушка Чжан решила сменить милость на гнев. Она злобно прищурилась:

— Ишь какой гордый выискался! Я к нему по-хорошему, душу наизнанку выворачиваю, а он нос воротит! Не зли меня, парень, хуже будет! Да в нашей деревне каждая собака знает, что Чжуншань всегда по девкам сох! Тебя, сопляка, в его дом только ради избавления от хвори пустили. Не думай, будто ты здесь хозяин, птица не того полёта! Мой тебе совет: пока не поздно, беги к отцу с повинной головой. Неровен час, надоест ему твоя постная рожа, выставит за ворота — куда тогда подашься? Без родительского благословения пропадёшь под забором!

Ядовитые слова ударили в самое больное место. Цзян Жан, чья вера в собственное счастье и без того была хрупкой, побелел как полотно. Он крепко сжал зубы и до крови закусил губу, не в силах вымолвить ни слова.

Заметив, как дрогнул парень, сваха победно ухмыльнулась и уже приготовилась дожать беднягу, как вдруг из-за её спины раздался низкий, холодный голос:

— Цзян Жан — мой муж, и его место — рядом со мной.

Цзян Жан вскинул голову — и на глазах у него заблестели слёзы облегчения. У ворот стоял Фан Чжуншань!

Долгий путь по каменистым кручам утомил бы даже самого выносливого охотника, и на лице мужчины читалась усталость. В одной руке он держал за уши упитанного лесного зайца, в другой покачивал плетёную корзину, доверху набитую целебными кореньями. Взгляд, которым он мерил матушку Чжан, был ледяным, но стоило Чжуншаню посмотреть на своего притихшего шуаньэр, как его глаза заметно потеплели.

— Я души не чаю в своём супруге, — твёрдо произнёс он, делая шаг во двор. — И всякой приبلудной нечисти в наших делах копать не позволю.

Чжуншань не собирался церемониться с беспардонной бабой.

— Прежде чем чужие углы вынюхивать да на побегушках у старого лиса по деревне бегать, лучше бы за собственным двором приглядела, — зло усмехнулся он. — Весь свет знает, какой у тебя благоверный гуляка. Дома шаром покати, муженёк последнюю рубаху из хаты тащит, а ты всё туда же — чужие семьи учить вздумала!

Под старым лисом он, разумеется, имел в виду пройдоху Юаня.

Для матушки Чжан, которая всю жизнь из кожи вон лезла, чтобы казаться почтенной женщиной, муж-пропойца был самой больной мозолью. Вся деревня за её спиной потешалась над похождениями этого лоботряса.

— Ты... Ах ты наглец! — задохнулась от ярости сваха, багровея на глазах. — Да как у тебя язык повернулся?! Я к ним всей душой, а они... неблагодарные твари!

Понимая, что со здоровяком Чжуншанем ей не совладать, она круто повернулась к Цзян Жану:

— Ладно! Всё равно все соседи — и наши, и ваши — только и ждут, когда вы нос покажете! Пусть мои слова тебе не по нраву, да только в них чистая правда! Запомни мои слова, малец: коли пойдёшь против воли родительской, локти кусать будешь. Шуаньэр без защиты отчего дома — пустое место! Сами к нам приползёте, да поздно будет!

<http://bllate.org/book/19394/1953345>